

Леонард ЗОЛОТАРЁВ

ОРЁЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ 2017 • ОРЁЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ 2017 • ОРЁЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ 2017 • ОРЁЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ 2017 • ОРЁЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ 2017

Золотарёв Леонард Михайлович родился в 1935 году в Воронеже. Автор более пятидесяти книг, вышедших в московских и местных издательствах. Рассказы и очерки печатались в крупных литературных периодических изданиях страны. Рассказы включены в хрестоматию для школ и вузов «Писатели Орловского края XX век». Лауреат Всероссийской литературной премии «Вешние воды». Член Союза писателей России. Прозаик, поэт, драматург. Живёт в Орле.

УЛЫБКА МОНЫ ЛИЗЫ

«Святая к музыке любовь», – поёт наша примадонна Алла Пугачёва, а я вспоминаю, когда всё это началось во мне, оказывается, с раннего детства. То ли свыше это было дано, я с этим родился, то ли от матери моей шло, от Марии, она пела в молодости в деревенском церковном хоре у Пятницкого. Музыка звучала во мне всегда. Сестра моя двоюродная Лида со своей подругой Клавой Лаушкиной брали гитару и пели всякие песни, романсы. Я подсаживался к ним ещё пацанёнком и пел вместе с ними, и они меня не прогоняли.

Святая к музыке любовь останавливала меня, бывало, на улице, в центре Малоархангельска, у телеграфного столба, из рупора лилась оперная музыка. До того я слушал её на пластинках, арии из опер пели русские и итальянские голоса. Вечером, уже после школы, я принимал дома в уголке комнаты к чёрному рупорочку, по которому передавали по радио русские и итальянские оперы. Замерев, в отсветах

пламени от печурки, я слушал, как диктор рассказывал содержание опер, в которых бушевали страсти, слушать про это было жутко и хорошо.

Святая к музыке любовь, помню, останавливала меня возле сквера, когда я возвращался из школы. Мартовская капель тенькала с куста сирени, я задержался около него, прислушался, капель стала складываться в музыку, в песню без слов, и я запел вслух её, эту мелодию. И что было дальше? А дальше я стал петь эти мелодии, звучащие внутри меня, присоединяя к ним поэтические слова, я стал петь их. Я пел их свободно, как птица...

Прошло время, и я оказался во Львове, у тёти Дуси – сестры моей матери. И святая к музыке любовь привела меня в оперный театр. Тянули к себе меня эти самые оперы. Подруга моей тёти работала в театре и приносила нам домой контрамарки, я часто ходил на спектакли. Каждый раз я попадал в удивительный, таинственный мир страстей,

я становился участником трагичных событий, побед и разочарований. По первым буквам запомнились мне оперы, сложившиеся в слово «пардон» («Пиковая дама», «Аида», «Риголетто», «Демон», «Онегин»). Сколько судеб прошли передо мной через эти оперы. Тенором там пел тогда, помнится, Николай Фокин, которого взяли потом в Киев...

И вот я в Курске, приехал сюда после школы учиться на литфаке. Я попал в сборную области по волейболу, а святая к музыке любовь привела меня к студенту – однокашнику Игорю Шевченко, у которого дома был рояль. Игорь играл на всех инструментах. Мы пели с ним дуэты: он – баритон, я – тенор. Позвали к себе других поющих, получила домашняя консерватория. Я бросил играть в волейбол, четыре года пели мы всякие дуэты, романсы и даже оперы – ... курские соловьи. И вот я в Орле.

В Орле я – курский соловей,

А в Курске я – орёл!

В Орле я прошёл дорогами журналистики областные газеты, стал профессиональным писателем, а в душе всё музыка звучала, озаряла душу святая к музыке любовь. Однажды жене моей Люсе от подруги её из Парижа, с которой она познакомилась по переписке через Клуб интернациональной дружбы пришла по почте репродукция картины Леонардо да Винчи «Мона Лиза». В красивой рамке. Это было первое знакомство с шедевром Леонардо да Винчи.

Впервые подумалось о себе: «Я тоже ведь Леонард. Я знал, откуда у меня моё итальянское имя, почему отец назвал меня так. Моё имя вело меня по жизни». И первая наша «Мона Лиза» до сих пор висит у нас дома над пианино, озаряя своей улыбкой. А в книжном шкафу ценный подарок – мощная книга из серии «Мир Леонардо» с изображением на суперобложке Моны Лизы. Потом на юбилей французские друзья прислали мне поздравление с праздни-

ком, с открытки смотрело на меня изображение всё той же Моны Лизы Джоконды...

И вот от журнала «Молодая гвардия» я еду на строительство БАМа. Я в Москве. Мной уже куплен билет на завтра, на поезд до Байкала. Сажу я где – то на Тверском бульваре, посредине аллеи. А машины сплошным потоком мчатся в одну сторону – вперёд, назад – в обратную сторону. Всё начинает кружиться вокруг меня, завиваться во мне в какую-то святую музыку сфер... Предчувствия одолевают меня...

А вечером из Орла сюда ко мне приехала жена моя Люся, Людмила Серафимовна.

– Слышал? Такое событие! К нам в Москву, после выставки в Японии, привезли «Мону Лизу» Леонардо да Винчи. Завтра с утра картина будет выставлена в Музее изобразительных искусств имени Пушкина. Идём?

– Ну, а как же? – вспыхиваю я. – Конечно, идём.

Это судьба, я увижу «Джоконду»!

Позвонили давней подруге Люсиной – Тамаре Тихомировой. Она живёт в ближнем Подмосковье, в Степановском, где, как известно, «Раковый корпус», описанный Солженициным. Тамара тут же спохватывается и едет ночевать в Москву, на Арбат, где у неё живут добрые знакомые.

– Оттуда, от Плотникова переулка, – говорит она по телефону, – рукой подать до музея Пушкина. – Пораньше встану, приду, займу очередь и для вас.

Мы ночевали у моего двоюродного брата Вити, который жил тогда со своей семьёй на улице Саши и Зои Космодемьянских.

Когда мы с Люсей подошли к Пушкинскому музею изобразительных искусств, хвост очереди был настолько длинен, что завивался аж до Манежной площади. Однако благодаря тому, что наш человек в Гаване Тамара пришла сюда пешком из Плотникова переулка в шесть часов утра и стала

в очередь, мы оказались где – то в середине. Через каких – нибудь пару часов, мы увидим шедевр мировой живописи – знаменитую Джоконду!

Я стоял в очереди, и напряжение во мне возрастало с каждой минутой, заставляло всё дрожать, звенеть во мне непонятными звуками и мелодиями, слагавшимися из музыки итальянских опер на слова русской поэзии. Воображалась и сама Мона Лиза, глаза её, весь её таинственный облик на фоне каких-то отдалённых пейзажей из удивительных земных гор, небесных пространств, уходящих неизвестно куда. Какие тайны мне предстояло открыть, как только я увижу в оригинале творение Леонардо из итальянского городка Винчи. Мона Лиза! Ты рядом со мной, всего-то за этой стеной. Сейчас я войду в эту дверь и окажусь в Париже или в Италии, в небольшом итальянском городке у Леонардо да Винчи.

Очередь, скорее же продвигайся! Леонард из Орла, из малого городка Малоархангельска стремится к Леонардо да Винчи, к лучшему его художественному творению – Моне Лизе Джоконде.

А Люся тихонечко разговаривала со своей подругой Тамарой. Обо всём, о чём только ни говорили они, давно же не делились, наверно, с прошлого лета. Но ведь и у них, если вдуматься, имена не простые. Людмила Серафимовна – отец её Серафим Петрович, сразу думаешь о Серафиме Саровском, а Тамара Тихомирова из семьи священника ...

Чтобы унять своё нетерпение и развлечь своих спутниц, я рассказываю им сказку самого Леонардо да Винчи. Когда работа над портретом уже подходила к концу, красивая и знатная дама, которая позировала художнику, стала уставать. Она вставала, покидала своё место, ей было скучно. Леонардо старался привлечь её к работе.

Он рассказал ей: было у отца четыре сына, три умных, а четвёртый – и так, и сяк. Умирая, отец завещал им покинуть своё жилище и отправиться в другие края, где бы они могли научиться ремеслу, чтобы кормить себя. Они так и сделали, договорившись встретиться через три года. Годы пролетели быстро. Первым вернулся старший сын, он стал плотником. Он срубил в роще дерево и сделал из него женщину. Возвратился второй брат, он стал портным. Увидев брата, его женщину из дерева, он тут же одевает её в шелка. Третий брат – ювелир украшает её драгоценностями. Наконец, вернулся последний брат. Он не приобрёл ремесла, но он знал природу, звёзды, он умел слушать море и горы, подражал пению птиц, он умел петь. Глянув на женщину, он спел ей чудесную песню, и женщина ожила. Братья – каждый наперебой – стали ей предлагать стать его женой. Она ответила первому, что он её создал, она считает его своим отцом. Второй и третий одели и украсили её, поэтому они её братья. А четвёртому она сказала: «Ты мне дал душу, ты – тот, кто мне нужен на всю мою жизнь».

Закончив сказку, Леонардо взглянул на свою модель, её лицо озарилось, она вздохнула, провела по лицу рукой и без слов села позировать на своё место, сложила руки и приняла обычную позу. Художник пробудил равнодушную модель, улыбка блаженства медленно исчезла с её лица, осталась в уголках рта и трепетала, придавая лицу изумительное, загадочное и чуть лукавое выражение, как у человека, который узнал тайну и, бережно её храня, не может сдерживать торжество. Леонардо сумел передать в картине этот момент, этот луч солнца, осветивший лицо женщины...

И вот уже мы ступили в музей. Прошли через фойе. С могучим всадником на могучем коне. Это, скорее всего, какой-то ландскнехт из античной Греции. А дальше двери в

зал, по стенам развешаны картины французских импрессионистов. Раньше я мог часами стоять у каждой из этих картин. А сейчас даже мимо «Голубых танцовщиц» Дега, даже мимо картины «На качелях» Ренуара прохожу, не дрогнув ни единым нервом.

Вот она, дверь, распахнута настезь, широко! В неё – то и проваливается огромная очередь из людей, дверь как проглатывает, съедает их. Сейчас я войду в неё, в эту дверь... Мы войдём все втроём друг за другом, я первый, очередь идёт, не останавливаясь, я иду, как можно медленнее, чтобы видеть её как можно дольше...

Мона Лиза! Я вижу тебя!..

Зал большой и длинный. В самом конце зала на стене небольшая по размеру картина. Это и есть знаменитая «Мона Лиза. Джоконда»! Начало XV века. Лувр. Париж. Молодая женщина с картины смотрит на меня. Её внимательный взгляд, чуть улыбающийся рот выражают меняющиеся оттенки чувств и настроений – задумчивость, мечтательность, затаённую насмешку, скрытую печаль. Воздушная игра светотени в картине создаёт рельеф форм, передаёт мимику лица, изысканность, тонкость, сложность душевной жизни. В своей любимой картине Леонардо показывает, как живопись способна передать богатство внутреннего мира человека.

Я иду к ней по залу наискосок, к середине стены, на которой живое художественное творение Леонардо да Винчи. С первого же моего шага Мона Лиза ожила, глаза её вспыхнули. Она повела ими и перевела взгляд со всех на меня. Она смотрит прямо в меня, только в меня. Она звучит во мне каждой краской, каждым нервом своим, святой своей музыкой сфер. «Святая к музыке любовь», – поёт всё где – то внутри меня, во всём моём существе.

С каждым шагом я приближаюсь к ней – Моне. Лиза смотрит в меня, она тянет

меня к себе своим живым взглядом. «Леонардо! О, Леонард!» – кажется, говорит она мне своими таинственно приоткрытыми губами. Я уж совсем, совсем близко к ней! Она улыбается мне, она смотрит в меня, улыбаясь!..

Какую тайну хочет передать она мне этой своей сокровенной улыбкой? Три карты, три тайны? Тайна поэзии, тайна жизни, тайна любви – вот оно, бессмертие!

Лицом к Моне Лизе, спиной к выходной двери я начинаю уходить от неё вместе со всеми. Смотрю на неё, впиваю в себя каждый миг, весь блеск, весь её взгляд обжигающий и не хочу уходить. А сам думаю: «Так какие же три карты, три своих тайны передаст она мне всей своей неразгадываемой улыбкой? Каждый, скорее всего, разгадывает эту улыбку по – своему»...

Поток людской подталкивает меня к двери, просто выталкивает наружу. В последний раз я взглядываю на неё, кланяюсь в пояс Моне Лизе, а это значит Леонардо да Винчи, шепчу ему что – то и оказываюсь на улице.

– До встречи! – стою я перед распахнутым зевом двери.

– Ну, что вы увидели? – спрашиваю я Люсю и её подругу Тамару.

– Шедевр, – отвечают они. – Замечательная картина.

– Да нет, не это, – говорю я им. – Смотрела она на вас или нет, как живая? Вела вас по залу к себе от самой двери?

– Ну, ты даёшь, – улыбнулись они. – Фантастика Дориана Грея.

И вот я на БАМе. Во владениях Тоннельного отряда №10 и местного жителя – кинемеханика Миши Воронина. Мы плывём на барже по Нижней Ангаре вглубь Северного Байкала. Глухая тайга. Где-то слева горы со снеговыми вершинами. А мне кажется, что это фон к Моне Лизе, в самой картине Леонардо да Винчи. Не гора, а какой-то ка-

менный исполин. Он лежит ликом в небо, в звёзды, в звёздную бесконечность.

А Мона Лиза всё смотрит в меня, всё улыбается мне своими губами. Я спрашиваю исполина, что в ней, в этой её улыбке, которую она посылает мне сюда, на Байкал?

Три карты, три тайны.

Любовь ко всему живущему на земле.

Справедливость. Сын всегда говорит мне: «Отец, ты для меня самый справедливый человек на земле».

А московская писательница Ольга Константиновна Кожухова – фронтовичка,

автор повести «Двум смертям не бывать» сказала однажды обо мне, моём творчестве такие слова: «Без щегольства, без излишеств, с большим чувством меры». А это ведь сам Леонардо да Винчи. Это он открыл людям «золотое сечение». А это пропорции, это дальнее и близкое, центр всего бытия, всего, что есть и будет в бессмертных творениях, созданных человеком!

А улыбки Моны Лизы хватило мне на всю мою жизнь.

Лето 1973 – осень 2016, г. Орёл

